

КОТОВ А. М.

ЭКСПРЕССИВНЫЕ СРЕДСТВА КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Проблемы лингвистической стилистики до недавнего времени не входили в круг исследований лингвистов-востоковедов, и, в частности, китайистов. Тем не менее нужды преподавания языка, перевода, лексикографии, литературоведения настоятельно требуют рассмотрения вопросов, связанных со стилистическим расщеплением языковых средств и типов речи. Поэтому представляется не случайным наблюдаемый в последнее время интерес исследователей к функциональным стилям китайского языка. Это, несомненно, положительное явление, однако следует заметить, что увлечение функциональной стилистикой, изучение с помощью статистических методов структуры «речевой ткани» функциональных типов китайской речи приводит к игнорированию того факта, что регулярная эксплуатация определенного круга лексики, морфологических и синтаксических явлений в известных социально и психологически детерминированных ситуациях общения приводит к стилистической дифференциации языковых средств, к закреплению у них стилистических значений. По всей видимости, параллельно с выявлением статистической структуры функциональных стилей следует уделить внимание и стилистически окрашенным средствам китайского языка. В данной статье делается попытка наметить в общих чертах состав экспрессивных средств китайского языка.

Литература, посвященная категории экспрессивности, довольно обширна. Обычно в каждой из работ дается обзор точек зрения, касающихся теории вопроса, поэтому здесь нет необходимости останавливаться на них. Авторы большинства работ категорию экспрессивности так или иначе связывают с категорией эмоциональности: либо их считают независимыми друг от друга, либо устанавливают между ними отношения включения. Часто при этом замечают, что весьма трудно разграничить эти категории, что они переплетаются и проявляются друг в друге и что эмоциональность присутствует в большинстве видов экспрессивности. Полагаем, что подобные наблюдения не случайны, что всякое необычное, усиленное выражение мысли обусловлено определенным не нейтральным эмоциональным¹ состоянием говорящего. Поэтому соотношение рассматриваемых категорий представляется следующим.

Эмоциональность — категория экстралингвистическая, которая в языке отражается в виде экспрессивности, иначе говоря, экспрессивная речь присуща человеку, находящемуся в определенном эмоциональном состоянии. На современном этапе развития языка связь некоторых экспрессивных средств с эмоциональным состоянием говорящего (пишущего) не является столь явной, однако в филогенетическом плане они в конечном счете выделились в языке благодаря их регулярному употреблению в речи психологически не нейтральной, первоначальное же употребление многих из них явилось эмоционально-моторной, импульсивной реакцией человека, находящегося в возбужденном состоянии (междометия, повторы, эллипсис и т. д.). Впрочем, и в настоящее время их использование связано, не говоря уже о разговорно-бытовой речи, не с тем, чтобы придать речи «изящность», а обусловлено соответствующим эмоциональным состоянием говорящего (пишущего) и/или стремлением привести в такое состояние

¹ Формы психической жизни человека не сводятся, конечно, лишь к эмоциям, и употребление здесь термина «эмоциональное» в расширенном значении, т. е. «психическое вообще» есть дань сложившейся в лингвистике традиции.

слушающего (читающего). Широко известны, например, случаи чуть ли не патологического сопереживания «художников слова» со своими героями в процессе творчества, когда «художник, объективируя созданный, выдуманный им образ, остро, порою болезненно переживает его иллюзорную литературную судьбу, как если бы он был живым, реальным лицом» [1]. Интересно в этом плане замечание А. Н. Савченко, касающееся тропов, на первый взгляд не связанных с эмоциональностью: «Всякое образное употребление слова уже эмоционально, потому что образность есть стремление речи к усилению наглядности восприятий, а восприятие всегда вызывает не только мысль, но и чувство. Метафоры и сравнения производят эмоциональное впечатление, во-первых, потому, что сами они обычно бывают результатом эмоционального отношения к выражаемому факту, и, во-вторых, потому, что в них тот или иной признак выражаемого предмета или явления в результате образного отождествления с другим представляется в усиленном виде, и это неизбежно воздействует на чувство говорящего и слушающих» [2].

В речи любая единица может быть экспрессивной, это зависит от ситуации общения, контекста, интонации. Однако, как отмечалось выше, язык располагает такими средствами, которые специализируются на передаче экстралингвистических явлений психологического порядка и поэтому имеют большие «шансы» быть экспрессивными в высказывании. По этой причине целесообразно различать, как это часто делается, два вида экспрессивности: парадигматическую и синтагматическую. Первая — это самодостаточная экспрессивность, не требующая для своего появления специального контекста. В этом случае сама языковая единица является микроконтекстом, достаточным для актуализации экспрессивности (оценочные слова, некоторые окказионализмы, слова, построенные по определенным моделям, и т. д.). Что же касается синтагматической экспрессивности, то она приобретается единицей в определенном контексте (антифразис, некоторые виды игры слов, нарушение стилистической сочетаемости и т. д.).

Следует отметить, что разделение экспрессивности на парадигматическую и синтагматическую есть лишь научная абстракция. Экспрессивность реально употребленной единицы — это сложная и не всегда поддающаяся четкому структурированию комбинация этих двух видов экспрессивности.

Какими же экспрессивными средствами располагает китайский язык? Прежде чем ответить на этот вопрос, следует заметить, что экспрессивность — категория объемная, и в ней можно выделить следующие компоненты: оценочность, образность, интенсивность и окказиональность. Данное деление является до известной степени условным, поскольку у некоторых единиц могут сосуществовать несколько компонентов экспрессивности. Например, русское слово *медведь* (в значении «неповоротливый человек») обладает и оценочностью, и образностью, и интенсивностью представления признака. Тем не менее в делах научного анализа мы выделяем в экспрессивности названные компоненты и в соответствии с этим делением рассмотрим экспрессивные средства китайского языка.

Оценочность. Характер субъективной оценки предмета речи может быть весьма разнообразным. Китайские исследователи не сходятся во мнении относительно количества и номенклатуры оценочных оттенков, передаваемых словами. В специальной литературе можно встретить различные перечни окрасок типа «одобрительное», «уважительное», «бранное», «ироническое», «презрительное» и т. п. Эти разногласия имеют и объективную причину, которая заключается в сложности психологических явлений, стоящих за языковой категорией оценочности. Однако при всем разнообразии оценочных оттенков и нюансов все их можно свести к двум видам: положительные и отрицательные. Соответственно этому выделяются слова, обладающие положительной и отрицательной оценкой. В китайской филологической традиции первые обычно называются баоци, вторые — бьянци.

Оценочность может быть маркирована различными способами. В рус-

ском языке она передается наиболее ярко с помощью специальных суффиксов. В китайском языке суффиксов, регулярно выполняющих подобную функцию, нет². Русские слова с оценочными суффиксами передаются в русско-китайских словарях либо стилистически нейтральными словами с пометами, указывающими стилистический оттенок слова, либо сочетаниями нейтральных слов с прилагательными *сяо* «маленький» и *да* «большой». Показательным в этом плане является пример из перевода «Поднятой целины» М. А. Шолохова, где все оттенки уменьшительно-ласкательного значения слов Половцева, обращенных к кошке (*Кисынька! Кисочка! Котик! Ко-ти-ще!*) переданы многократным повторением прилагательного *сяо*: *Сяо мао, сяо мао, ни чжэ сяосяо ды сяо цзяхо!* [3]. Это не означает, однако, что китайский язык не имеет возможности передавать оценочные значения на лексическом уровне. Дело в том, что в силу известных структурных особенностей китайского языка аффиксация не получила в нем такого развития, как в русском языке, и оценочное значение имеется главным образом у тех китайских слов, денотативное значение которых само включает элемент оценки, т. е. у тех слов, которые обозначают объективно «хорошие» или «плохие» предметы, признаки, действия. К таким словам, например, можно отнести: с отрицательной окраской — *сюньэ* «гнусный, гадкий», *лоуло* «приспешник», *тяобо* «провоцировать, подстрекать»; с положительной окраской — *вэйда* «великий», *баобэй* «[мое] сокровище (о человеке)», *шиши* «скончаться».

Стилистическое значение в простом слове обычно ничем материально не выражается, но так же, как и лексическое значение, оно существует в языковом сознании говорящих. При этом для самих носителей языка оценочность является немотивированной, если значение этого корня не является переносным и сохраняющим в сознании говорящих связь с исходным значением. Что же касается сложных слов, а их большинство в китайском языке, то оценочность многих из них определяется соответствующей окраской составляющих их корневых морфем. В слове оценочные морфемы могут располагаться препозитивно и постпозитивно. Слова с препозитивным расположением оценочных морфем, как правило, относятся к атрибутивному типу сложных слов (тип А), и зачастую их трудно отделить от словосочетаний, тем более что эти же морфемы могут выступать в роли оценочных слов-определений перед стилистически нейтральными словами в словосочетаниях. К подобным морфемам (словам) можно, например, отнести *ван* «безрассудный» (*ванцю* «домогаться», *ванвэй* «сумасбродство», *вансян* «пустая мечта, химера»); *чоу* «безобразный» (*чоуши* «мерзость», *чоуцзюй* «гнусная комедия, фарс», *чоухуа* «грязные слова»); *дяо* «коварный» (*дяохуа* «хитрый, коварный», *дяофу* «строптивная женщина, фурия», *дяогунь* «негодяй»); *вэй* «великий» (*вэйцзи*, *вэйе* «великие дела, деяния», *вэйжэнь* «корифей»). Приведенные морфемы (слова) имеют оценочную окраску в своем прямом значении, однако имеются и такие, которые приобретают ее в переносном значении. При этом оценочная окраска выходит на первый план, а денотативное значение настолько затемняется, что определить его представляется затруднительным. Лексическая сочетаемость таких слов расширяется до необозримых пределов. К таким морфемам (словам) можно, например, отнести *по* букв. «сломанный, рванный» (*чжэ по цзя ю бу ши во и гэ жэнь ды* «эта проклятая семья не только моя»; *шэй кань нэйгэ по си* «и кто будет смотреть эту дрянную пеську!»); *чоу* букв. «вонючий» (например, герой фильма-оперы «Западный флигель», которого заставляют зубрить классические книги, в отчаянии восклицает *чоу вэньчжан!* «проклятые тексты!»); *гоу* букв. «собака» (*гоу тэу* «шпиониска», *на гоу дичжу на?* «ну, а тот помещик?»); *гуй* букв. «черт» (*чжэгэ гуй дифан!* «вот чертово место!»); *гуй* букв. «дорогой» (*гуйго* «Ваша страна»). Подобные единицы могут выступать и в наречной функции. Например, *на ши во гоу чжан жэнь ши* «это я, подлец, делал, опираясь на чужую силу».

² Что касается суффиксов *-цзы* и *-эр*, которые, как отмечал еще А. А. Драгунов [4], способны передавать оценочное значение, то они выполняют эту функцию не всегда, а при определенных условиях и в составе определенных групп слов.

К рассматриваемому явлению примыкают случаи придания словам оценочности посредством постановки перед ними специфических счетных слов. Например: *Та вэйшэма чжэнчжэ яньцзин сюань лао Цзя чжэ хао жэньу дан цаньмоу на?* «Почему он, ничего не стесняясь, выбрал этого Цзя в начальники штаба?» Здесь слово *жэньу* «человек, личность», обычно сочетающееся со стилистически нейтральным счетным словом *гэ*, употреблено со словом *хао* букв. «знак, номер», передающим в таких случаях отрицательное оценочное значение.

Морфемы с оценочным значением могут располагаться в составе слова, как отмечалось выше, и постпозитивно. В этом случае они образуют ряды слов с общей стилистической окраской. Морфологический статус таких морфем определить во многих случаях затруднительно. Степень их десемантизации различна, некоторые из них можно бы было отнести к полусуффиксам, другие — к корневым морфемам. Вопрос об их морфологическом статусе не входит в задачи стилистики, для нас важнее проанализировать их в семантико-стилистическом плане. К рассматриваемым морфемам можно отнести следующие: *дань* букв. «яйцо» (*бэньдань* «тупица», *хутудань* «дурень», *цунгуандань* «босаяк», *ланьдань* «лентяй» и т. д.); *хо* букв. «товар» (*чуньхо* «тупица», *цзяньхо* «бесстыдница, девка», *фэйхо* «дерьмо» и т. д.); *гуй* букв. «чёрт» (*даньсяогуй* «трус», *линьсягуй* «скупердяй», *сэгуй* «бабник» и т. д.). Примером постпозитивной морфемы с положительной оценочной окраской может служить *ши* букв. «ученый, мужчина», с которой образуются слова *чжаньши* «воин», *лешу* «(павший) герой», *минши* «знаменитость», *уши* «воитель, рыцарь», *юнши* «храбрец» и т. д.

Оценочность, как и в других языках, может приобретаться словом и в том случае, если данное слово, обычно стилистически нейтральное, в конкретной ситуации употребляется для наименования другого предмета, действия или качества с целью передачи субъективного отношения к ним говорящего. В принципе для указанной цели тот или иной предмет (в широком смысле) может быть метафорически назван любым словом (кроме, может быть, терминов). Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить наименование «плохих» и «хороших» лиц, имеющие хождение в различных диалектах, социальных, возрастных и половых группах, микроколлективах и в индивидуальном употреблении. Оценочные значения некоторых из этих слов становятся фактами языка и фиксируются в словарях, другие слова лишь демонстрируют такую тенденцию, а есть слова, употребление которых в оценочном значении является окказионализмом. Нас, однако, здесь интересуют слова с общепринятыми переносными оценочными значениями. Такие слова в большинстве случаев являются наименованиями предметов обихода, пищи, растительного и животного мира. Например, *цайбаоцзы* «пирог с овощами» → «идиот», *вэйба* «хвост» → «прихвостень», *хули* «лиса» → «сварливая женщина, мегера», *чжуло* «свинья» → «тупоумный человек» (но не «подлец» и не «неряха», как в русском языке), *бе* «болотная черепаха» → «трус», *шуцзы* «крыса» → «трус, негодяй». Нетрудно заметить, что во многих случаях перенос значений происходит у тех же слов, что и в русском языке, однако переносные значения в некоторых случаях не совпадают с переносными значениями аналогичных русских слов.

Иногда слово, обладающее однозначной оценочной окраской, может быть употреблено в речи с противоположной окраской. Такое явление, как известно, называется антифразисом. Например: *хао цзяло!* «хорош гусь!» *нимэнь на вэйфэн на, хай ба вомэнь бу?* «пу вы, brave, еще будете с нами воевать? (пленным солдатам)».

Средством реализации противоположного оценочного значения в таких случаях выступает интонация. Вообще интонация является самым эффективным средством передачи оценки в речи. Часто ей сопутствуют в этом определенные синтаксические построения, которые позволяют передавать эмоциональное состояние говорящего даже оценочно нейтральными словами. К таким синтаксическим конструкциям можно отнести, например, побудительные предложения с «избыточным» косвенным дополнением *гэй во* «мне»: *ни гэй во гун!* «пошел вон!»; *ни гэй во цилай, тан шэма*

цзир! «а ну, вставай, чего развалился!»; *мама, Вэйвэй, нимэнь ба та гэй во хунцзоу!* «мама, Вэйвэй, вышвырните ее!». Возбужденное состояние передают обычно (вместе с соответствующей интонацией) и конструкции, включающие личное местоимение с приложением, выраженным существительным с указательным местоимением: *ни чжэзэ хуасяцзы и дакай цзю мэй гэ вань* «а ты, граммофон этакый, как заведешь — конца не видно»; *во дуйсян во дуйсян... во дуйсянчжэ ни, ни чжэзэ гунчэнь!* «с кем, с кем... да хоть с тобой, деятель ты этакый! (раздраженно на вопрос, с кем будет соревноваться)». При отсутствии предмета речи в поле зрения говорящего в таких случаях личное местоимение не ставится: *чжэ цюнь суйшэнь!* «[вот] скоты!»; *чжэзэ ецзы!* «[ах он] хулиган!».

Следует отметить и роль притяжательных местоимений в эмоциональных высказываниях. Обычно в китайском языке, в отличие, например, от английского, притяжательные местоимения не употребляются, если отнесенность определяемых ими слов очевидна, однако в высказываниях рассматриваемого экспрессивного типа широко употребляются подобные «избыточные» местоимения: *дайшанниды на по маоцзы, куай дяг гунь ниды дань!* «а ну, надевай свою шапочку и катись отсюда!».

Интенсивносьть. Этот компонент экспрессивности заключается в подчеркивании, усилении, а иногда и гиперболизации степени качества или количества признаков и действий. Следует отметить, что не всякое усиление и подчеркивание можно признать экспрессивным, поскольку в языке имеются средства логико-смыслового усиления, которые не являются отражением эмоционального состояния говорящего. Интенсивные экспрессивные средства всегда содержат элемент оценочности или образности.

Среди интенсификаторов прежде всего следует назвать наречия и наречные слова со значением степени: *тай (та чан ды тай хао ла!* «она чудесно поет!»); *гуай (гуай ю исы ды* «ужасно интересно»); *хао (хао да ды юй!* «вот так рыба!»); *чжэнь (чжэнь лэн!* «страшно холодно!»); *шифэнь (шифэнь чжуньэо* «чрезвычайно важно») и его гиперболические, еще более экспрессивные варианты *шифэнь* и *ваньфэнь*; *цзяньчжи (во цзяньчжи бу чжидо цзэмма бань* «я прямо-таки не знаю, что делать»).

Роль экспрессивных интенсификаторов выполняют также постпредикативные слова различной категориальной принадлежности, означающие высокую степень качества или действия: *цзила (хаоканьцзила* «ужасно красиво»); *тоула (та хуайтоула* «он законченный негодяй»); *будэляо (ман ды будэляо* «чертовски занят»); *ляобудэ (та ды лици да ды ляобудэ* «он ужасно сильный»); *яо сы (тун ды яо сы* «смерть как больно»); *яо мин (пицзюань ды яо мин* «устал до смерти»); *лихай (цзиньтянь лэн ды лихай* «сегодня жуткий холод»).

Экспрессию интенсивности передают и гиперболически употребляемые слова, в том числе сложные слова гиперболического характера, в которых один компонент указывает на интенсивность другого: *ни фэн ла!* «ты с ума сошел!»; *сыцян* «упрямый до смерти»; *баньтянь* «очень долго» (букв. «полдня»); *дунсы* «замерзнуть (т. е. сильно озябнуть)»; *ицзин шого и цянь бянь* «тысячу раз сказано»; *ваньэ* «проклятый» (букв. «десять тысяч раз ненавистный»); *таньгай* «горячо любить» (букв. «любить до боли»); *куанлэ* «бурно радоваться» (букв. «радоваться до сумасшествия»).

Отдельно следует остановиться на таком средстве интенсивной экспрессивности, как редуцированные единицы. Удвоение китайских слов производится по различным моделям (особенно это касается прилагательных), во многих случаях удвоение сопряжено с приобретением словом оценочности или образности, однако все редуцированные формы объединяет то, что они выражают качественную или количественную интенсивность³. Поэтому все они будут рассмотрены в данном разделе.

Удвоение односложных существительных передает значение раздельной множественности, и в этом они близки сочетаниям существительных

³ Ср. замечание Ж. Вандриеса о том, что «повторение есть... один из приемов, выпедших из языка аффективного» [5].

однослогов с определениями *мэй игэ* «каждый», *со ю ды* «все», однако по сравнению с последними редуцированные формы более экспрессивны. Экспрессивное удвоение следует отличать от слов, образованных путем удвоения морфем с предметным значением, например, *вава* «ребенок, дитя», *синсин* «звезда». Следует, однако, отметить, что и данные слова представляют интерес для стилистики, поскольку, по мнению исследователей [6, с. 124], у них имеется оттенок уменьшительности, а уменьшительности обычно сопутствует положительная оценка. Не случайно поэтому таких слов особенно много в детском языке, а также в речи взрослых, имитирующих детскую речь (например, в разговоре с детьми): *чи фаньфань*, «кушай» (букв. «ешь рисик»); *чуань сесе* «надевай ботиночки» [7, с. 201].

Двусложные прилагательные удваиваются по формуле ААББ: *мин-мин-байбай* «совершенно ясный, понятный»; *хуанхуан-чжанчжан* «быть в полной растерянности».

Односложные прилагательные удваиваются по формуле АА (*эр ды*). Существует мнение, что оттенок усиления признака такие редупликаты имеют лишь в функции обстоятельства и дополнительного члена (позитивного обстоятельства степени), например, *гаогао ды гуаласялай* «повесили высоко-высоко», *гуа ды гаогао ды* «повесили высоко-высоко». Что касается употребления в функциях определения и сказуемого, то, по мнению китайских ученых, здесь такие редупликаты не только не передают оттенка усиления признака, а наоборот, имеют добавочное значение его ослабленности [8]. Однако в этом случае они имеют положительную оценочную окраску (ласкательный, теплый оттенок), например, *дуань-дуань ды сябай*, *гаогао ды кэн* «коротенькая юбочка с высокими разрезками» [7, с. 209]. Подтверждением этого, как указывает Чжу Дэси, может служить и тот факт, что многие прилагательные со значением отрицательных качеств (*хуай* «плохой», *чоу* «безобразный», *по* «рваный», *цзан* «грязный», *луань* «беспорядочный» и др.), как правило, не имеют формы удвоения, но если они в редких случаях и удваиваются, то приобретают положительную коннотацию, например, *ба тоуфанун ды луаньлуар ды* «привела волосы в [живописный] беспорядок».

Известна еще одна модель прилагательного с редуцированным компонентом — АББ, например, *цзиньхуанхуан* «золотистый, сверкающий золотом», *люйюю* «сочно-зеленый». Подобные слова не являются результатом частичной редупликации двусложного прилагательного АБ (хотя возможны и такие случаи), они образуются путем присоединения к односложному прилагательному (иногда глаголу, существительному) удвоенной морфемы, которая интенсифицирует качественное значение слова. Очень часто интенсивность значения приобретает за счет образности (зрительной, слуховой, обонятельной и т. д.), например, *сянпэньпэнь* «душистый» (номорфемно — «ароматный» + «прыскать, извергаться»); *луаньхунхун* «шумный, суматошный» («беспорядочный» + звукоподражание шуму); *хэйдундун* «непроглядная тьма» («черный» + «пещера»); *ши-линьлинь* «мокрый до нитки» («сырой» + «поливать»). Среди постпозитивных редуцированных элементов встречаются такие, которые не вносят образной характеристики, поскольку их значение в составе рассматриваемых прилагательных необъяснимо с точки зрения современного языка, они лишь передают значение интенсивности признака, например, *хэйхуху* «[очень] черный», *жэжуху* «горячий», *цихуху* «в крайнем негодовании», *панхуху* «толстый, тучный», *лахуху* «острый, жгучий».

Существует модель частичного удвоения двусложного прилагательного со вставкой элемента *-ли-*, не имеющего в данном случае значения. По общему мнению исследователей, слова, образованные по модели А-ли-АБ, помимо интенсивности качества обладают отрицательной оценочной окраской и образуются исключительно от слов, означающих негативные признаки: *сяолисяоци* «скарденный», *лолило* «болтливый», *люлилюци* «хулиган», *хулихуту* «бестолковый», *хуанлихуанчжан* «суматошный» и т. п.

Данная модель пришла в литературный язык из пекинского диалекта, в котором существует еще ряд моделей образования интенсивных (обычно негативно оценочных) прилагательных путем присоединения или вставки

незначущих элементов, например, *суаньбуцзи* *ла* ды «[очень] кислый», *хулибату* *ды* *жэнь* «бестолочь (о человеке)», *кулабацзи* «[очень] горький», *шалигуацзи* *ды* «дурацкий».

Помимо рассмотренных истинных повторов, в китайской речи очень часто встречаются смысловые повторы, т. е. употребление в пределах одной описательной формы двух синонимичных или принадлежащих к одному семантическому полю единиц (типа русских *нежданно-негаданно*, *ни свет ни заря*, *беда-кручина*). Подобные повторы также обладают экспрессивностью в ее интензивном аспекте. Так же, как и в русском языке, описательные формы, образованные смысловым повтором, зачастую являются устойчивыми сочетаниями, например, *бу хуан бу ман* «не торопясь» (букв. «не суетиться и не спешить»); *дун чжан си ван* «смотреть по сторонам» (букв. «глядеть на восток, смотреть на запад»); *да чуй да лай* «устраивать шумиху» (букв. «громко трубить и громко стучать в барабан»).

Как видно из этих примеров, экспрессивный смысловой повтор односложных слов не бывает простым, контактным, он всегда осложнен дополнительными элементами. Контактный же смысловой повтор обычно представляет стилистически нейтральную копулятивную единицу с отношениями синонимии между компонентами (ср. *хуанчжан* «торопливо, поспешно», *чжанван* «смотреть»), однако такие единицы и служат в большинстве случаев материалом для смыслового повтора как стилистического явления. Степень устойчивости, узуальности описательных форм-редупликаатов во многих случаях бывает трудно определить, поскольку очень часто носители языка создают такие формы для одноразового употребления, используя типовые модели повторов. При этом редуплицированные формы могут образовываться не только путем чередования компонентов сложного слова с дополнительными элементами и могут быть не только четырехсложными (хотя последние и являются наиболее распространенными), главной особенностью смыслового повтора как экспрессивного средства (помимо, естественно, наличия синонимичной пары) является количественный и качественный параллелизм двух его членов. Приведем ряд примеров смыслового повтора в речи.

Ши нянь цян-линь-дань-юй ды шэнхо, та у цы фушан, лю чу гуацай «За одиннадцать лет, проведенных в огне сражений, он был много раз ранен» (букв. «пять раз получал ранения, в шести местах был ранен»); *Во лай дао Лунхэ дукоу, цзюй му и кань, чжи цзянь бо лянь бо, лан чжу лан, шуайпайчжэ цяоби* «Я подошел к переправе на Лунхэ и бросил взгляд на реку, на ней были видны лишь волны, которые катились одна за другой и бились об утес». Здесь повторены синонимичные компоненты слова *болан* «волна» *бо* и *лан* (оба со значением «волна»), а также (контекстуально) синонимичные слова *лянь* и *чжу* «следовать друг за другом».

В качестве примера синтаксических средств экспрессии интензивности можно назвать усиление утверждения или отрицания путем оформления высказывания в виде вопроса. Такие высказывания называются ложными, или риторическими, вопросами. Помимо логического усиления высказываемой мысли, они всегда передают отношение говорящего к собеседнику и предмету речи. Например, *Лао банцзы, ни гуань тамады шэмма сянь ши, ни шэнь шан е янян ма?* «А ты, старая колотушка, чего суешь, тоже хочешь схлопотать?»; *Наян бань, цзэмма нэн дайкай да бу цяньюзинь на?* «Как же можно при таком подходе к делу сделать большой шаг вперед?».

В подобных конструкциях часто употребляются вопросительные слова, которые приобретают усилительно-восклицательное значение. К таким словам относятся: *до(ма)* (*до цзао!* «как скверно!»); *шэмма* (*ни дун шэмма!* «что ты понимаешь!»); *на(ли)* (*нали мэньсяндао!* «где уж было об этом мечтать!») и некот. др.

Экспрессивны своей интензивностью и высказывания, передающие отрицательное отношение говорящего к невозможности совершения действия, что усиливает его обязательность. Данное отношение может передаваться либо словом с соответствующим значением [например, *дэн та хуйлай, во бу цзюбянь та цай гуай!* «вот он придет, уж я его отделаю!» (букв. «будет удивительно, если не изобью»)], либо отрицанием модального гла-

гола [возьмь фэй дадао муди бу кэ «мы обязательно добьемся своего» (букв. «нельзя не добиться»)], либо интонацией. В последнем случае высказывание формально приобретает вид отрицания. Например: *дуанься паолоу во фей цайла Ян мацзы!* «вот возьмем вышку, уж я прикончу конопатого Яна!» (букв. «не прикончу»); *ни хай бу тин во ды гуа, кань, во бу цзоу ни и дунь ды!* «смотри, не будешь слушаться, я тебе задам!» (букв. «не задам»). Формально отрицательный вид имеют и такие экспрессивные высказывания, в которых подчеркивается не необходимость совершения действия, а констатируется факт его совершения. Например: *хай бу ю шэньцзинь юаньцзы ли лай!* «опять во двор натекло [воды]!»; *та бу би ни чжидао ды до я!* «она же знает больше твоего!».

Образность. Как было отмечено выше, некоторые оценочные слова и прилагательные с удвоенными морфемами обладают еще одним компонентом экспрессивности — образностью, поскольку с их помощью объект номинации ассоциируется с другим предметом, который в большей степени обладает признаком, актуализируемым в конкретном высказывании. Вообще перенос значения является главнейшим фактором языковой образности⁴. Приводить дополнительные примеры переноса значений слов нет необходимости, тем более, что этот вопрос в известной степени разработан в рамках традиционной китайской стилистики «сюцзы». Укажем лишь на случаи переносного употребления специфического для китайского языка (и ряда языков Юго-Восточной Азии) разряда слов — так называемых классификаторов, или счетных слов. Например, *гу ши ю и гэ го-ван, ю и ни тяосао* «в древности жил император, у которого была огромная блоха», где классификатор *ни*, обычно сочетающийся со словом *лошадь*, в целях экспрессивной гиперболизации употреблен со словом *блоха*.

Следует отметить, что вопросы, связанные с переносом значения в китайском языке, представляются весьма трудными. Это обусловлено слабой разработанностью таких лексикологических проблем, как соотношение полисемии и омонимии, прямого и переносного значений слов. Кроме образности, основанной на переносном употреблении слова, китайский язык характеризуется образностью, связанной с метафорической внутренней формой слова. Известно, что китайские слова образуются в большинстве корнесложением, т. е. являются семантически мотивированными. Среди них много слов с образной внутренней формой, например, *цубо* «кокетливый женский взгляд» (поморфемно — «осенние волны»); *лунтоу* «водопроводный кран» («голова дракона»). Сюда же можно отнести образно-экспрессивные фразеологизмы типа *пэн динцзы* «нарваться на неприятности» (букв. «наскочить на гвоздь»); *цяо вэйба* «важничать» (букв. «задирать хвост»). Решение же вопроса об осознании говорящим семантической мотивированности слова, а следовательно, об образности, затрудняется рядом факторов: наличием стертых (словообразовательных) метафор [например, *тяо* «биться (о сердце)», прямое значение «прыгать»; *цзиньцзяньбао* «леопард», букв. «золотомшнетная пантера»]; не одинаковым осознанием носителями языка наличия образности в слове (это зависит от речевого опыта, общего культурного уровня). Кроме этого, для исследователя, не являющегося носителем языка и имеющего дело с языком преимущественно в письменной форме, имеются дополнительные трудности: наличие так называемых «заимствованных» иероглифов, в результате чего словарь может содержать псевдопереносные значения; иероглифическая запись и отсутствие фонетических изменений на стыках морфем, что приводит исследователя к соблазну этимологизирования и нахождению образности внутренней формы у тех слов, образность которых для носителя языка является стертой.

Тем не менее следует признать, что внутренняя форма китайского слова в большинстве случаев прозрачна для носителя языка, поскольку, как

⁴ В данном случае речь идет об образности (и вообще об экспрессивности) парадигматической, т. е. такой, которая ощущается в результате сопоставления единиц-элементов определенных системных рядов, а не о синтагматической, которая выявляется в результате соположения единиц в линейной цепи, т. е. в речи.

признают исследователи, китайские «морфемы обладают способностью как бы „оживать“ и приобретать качество слов в некоторых стилях» [9]. Такое обстоятельство позволяет сделать вывод об еще меньшей скрытости внутренней формы китайского слова, чем русского и немецкого⁵. Подтверждением этой мысли служит и факт широкого распространения в китайской речи каламбуров, в основе которых лежит обыгрывание внутренней формы слов (примеры см. ниже).

О к к а з и о н а л ь н о с т ь. Окказиональность как фактор экспрессивности заключается в необычности какого-либо языкового явления, в несоответствии его узуальному, общепринятому употреблению. Окказиональное явление отсутствует в языковом сознании слушающего и поэтому, как и всякое отклонение от привычного, останавливает его внимание, воспринимается неавтоматически и в конечном счете создает у него определенный психологический «настрой». Естественно, при этом оно отражает подобное же эмоциональное состояние говорящего.

Окказиональность здесь понимается шире, чем это обычно принято, а именно как любое стилистически оправданное нарушение норм — структурно-языковых (орфоэпических, лексических, морфологических, синтаксических, словообразовательных) и стилистических (функционально-речевых). Поэтому окказиональным может быть не только «искусственное» слово, образованное по непродуктивной модели для одноразового употребления, но и употребление канонического (узуального) слова в лексическом окружении, не свойственном ему как с точки зрения его типовой лексической сочетаемости, так и в плане его функционально-стилевой отнесенности.

Граница между окказиональным и узуальным подвижна: в результате последующего многократного использования первоначально окказиональное явление перестает восприниматься деавтоматизированно и может стать узуальным и неэкспрессивным. Данный процесс постоянно наблюдается в публицистическом стиле, постоянное обновление экспрессивных средств свойственно и разговорно-бытовому стилю.

Окказиональность, как было отмечено выше, может быть структурно-языковой (общелитературной) и функционально-речевой. Рассмотрим вначале экспрессивные окказиональные явления первого из названных видов.

1. Создание окказионального слова каламбурного характера путем обыгрывания внутренней формы сложного канонического слова. В данном случае обычно одна из морфем канонического слова заменяется антонимичной морфемой и два слова сталкиваются в пределах непротяженного контекста. Например: *ю жэнь шо, чжэ ши иньмоу, вожэнь шо чжэ ши янмоу* «некоторые говорят, что это интриги (поморфемно — «темные замыслы»), мы же говорим, что это (перевод следующего окказионального слова затруднителен, поморфемно — «светлые замыслы»). Покажем для примера еще ряд пар канонических и окказиональных слов, не приводя целиком контекста: *синьэнь* — *цзюэнь* «новости» («новые известия») — «старости» («старые известия»); *маоцзинь* — *маотуй* «идти напролом вперед» — «отступать напролом»; *цзисин* — *вансин* «память» («помнить» + «свойство») — «забывчивость» («забывать» + «свойство»).

Такой же семантический механизм лежит в основе окказионального обыгрывания клишированных сочетаний (например, *сои жэньмэнь ба «дачжай гун» цзяоцзо «дагай гун»* «поэтому „работу по-дачжайски“ в народе называют „работой спустя рукава“»), а также фразеологических единиц. В последнем случае замена компонента приводит к актуализации иносказания, лежащего в основе фразеологизма, и он понимается буквально. Приведем пример, в котором обыгрывается фразеологизм *пай ма ни* «подхалимничать» (букв. «бить лошадь по крупу»): *шэй чжи, пай ма ни пай цзай ма туй шан* «кто же знал, что попытка выслужиться обернется неудачей» (букв. «бил лошадь по крупу, а попал по ноге»).

⁵ Имеется в виду мысль К. А. Долинина о меньшей скрытости внутренней формы русских и немецких слов по сравнению с французскими [10].

2. Обыгрывание внутренней формы сложного слова, неразложимого в современном языке, путем его разрыва и окказионального создания (точнее — воссоздания, оживления) двух односложных слов, значения которых непонятны без опоры на значение обыгрываемого слова, поскольку в современном языке эти единицы отдельно не употребляются. Например: *чжэзэ «моу» «чань» ды гао* «этот план разработан неилохо». Здесь обыгрывается слово *чаньмоу* «офицер штаба, советник». Смысл реплики понятен слушающему, поскольку она обращена именно к офицеру штаба.

3. Окказиональное употребление словообразовательных элементов в качестве слов. Например: *во чжи сянчжэ бие хоу чуань бай гуа, чжу гао лоу, дан гэ шэмма «цзя»* «я мечтал лишь о том, что после окончания учебы буду носить белый халат, буду жить в большом доме, стану каким-нибудь „истом“». Следует отметить, что степень экспрессивности в таких случаях зависит от степени грамматикализации соответствующего словообразовательного элемента в современном языке. Как и в других языках, словообразовательные элементы в китайском языке образуются из знаменательных слов, при этом соотношение лексического и грамматического в каждом элементе на данном этапе различно. Естественно, чем менее такой элемент обособился от исходного слова (например, *чжуи*), тем менее неожиданно его употребление в качестве слова, и, следовательно, оно менее экспрессивно, и наоборот.

4. Создание слов по непродуктивной модели путем произвольного удлинения нормативно конечного словообразовательного ряда. Например, *цзяошучуань* «урокодатель (о плохом учителе)». В данном случае окказионально расширен ряд слов на *-цзян*, являющихся наименованиями лиц определенных ремесленных специальностей: *муцзян* «плотник», *шицзян* «каменщик», *тецзян* «кузнец» и т. д.

На степень экспрессивности в этом случае влияет степень семантической и стилистической однородности соединяемых морфем. Окказиональные слова, содержащие неоднородные в указанном плане элементы, нарушающие нормы лексической и стилевой сочетаемости, более неожиданны и экспрессивны. Приведем еще несколько примеров.

Юйши, цзай ганьбу хэ цюньчжун чжун пубань цуньцзай и чжун «кун-фуцжэн» «И вот среди кадровых работников и в народных массах распространилась „богатствофобия“ (поморфемно — «бояться» + «богатство» + «болезнь»). Окказионализм создан по аналогии с медицинскими терминами, образованными по модели *кун* × *чжэн*, обозначающими различные виды фобий.

Сань пай суйжань ши «цюлянтун», дань е жуньи иньцы иньци сысян маби, жан шигу цуань кунцзы «Хотя третий взвод и является „мостоведом“, однако и его хватил идейный паралич, и он пытался замять дело с аварией». Здесь окказионализм образован по аналогии со словами, обозначающими специалистов в какой-либо отрасли знания: *чжунготун* «китаевед», *жибэньтун* «японовед», *ваньшитун* «всезнающий человек, энциклопедист» и т. п.

К этому пункту примыкает окказиональное словоизменение, тем более что в некоторых случаях в китайском языке трудно провести границу между словообразованием и словоизменением. Окказиональное «формотворчество» заключается в том, что формальные элементы присоединяются к словам, нормативно не обладающим данной грамматической категорией, и тем самым слово временно приобретает качества другой части речи. Например, в следующей строке из сатирического стихотворения, в котором высмеиваются невежды (*вайлан*, поморфемно «вне» + «занятие, профессия»), наречие *вай* вербализовано и оформлено глагольным суффиксом *-сяюу*: *сань нянь сы нянь «вай»сяюу* «третий и четвертый годы продолжает невежествовать». Помимо окказиональной вербализации этот пример содержит и окказиональное словообразование, поскольку у *вай* нормативно нет значения «невежествовать», оно перешло к нему из слова *вайлан*, частью которого оно является.

Попутно отметим, что иногда слово, переходя в другую категорию, не получает формального изменения, но ставится в несвойственную ему син-

таксическую позицию. Например, адъективированное имя существительное (собственное) в позиции качественного сказуемого: *ни цзы цзю ши цян-бао шан ды нэйгэ Сюй Бингуй, шоды бу хаотин, би нэйгэ Сюй Бингуй хай Сюй Бингуй* «твоя сестра точь в точь та самая Сюй Бингуй, о которой пишут в стенной газете, говорит грубо, она еще бо́льшая Сюй Бингуй, чем сама Сюй Бингуй».

Выше было сказано, что экспрессивность на основе окказиональности может создаваться путем нарушения не только структурно-языковых норм, но и стилистических. Отклонение от стилистических норм заключается в употреблении единицы в несвойственном ей (либо в эмоциональном, либо в функционально-стилевом плане) контексте. Приведем ряд примеров экспрессивности подобного рода.

Чжэзэ Тан Юцай цзюцзин ши шэмма жэнь? Шанхай тань шан цзюэ у цзинь ю, чу лэй ба цуй ды — да хуньдань! «Кто же все-таки этот Тан Юцай? Единственный в своем роде на шанхайском побережье, замечательный... мерзавец!». Здесь экспрессивность создается столкновением двух противоположно окрашенных в оценочном плане единиц — фразеологизма *чу лэй ба цуй* «выдающийся, лучший из лучших» и слова *хуньдань* «мерзавец»; *Сяньцзай, даоди нэн бу нэн бушан чжэ и кэ, каньлай хай ши и чжуан «сяньнань»* «Можно ли сейчас дать консультацию, это, по-видимому, еще далеко не урегулированная проблема». Здесь в бытовом разговоре о малозначительном факте употреблено книжное слово *сяньнань* «нерешенное дело, открытый вопрос».

ЛИТЕРАТУРА

1. Медведев П. Н. В лаборатории писателя. Л., 1960, с. 29.
2. Савченко А. Н. Речь и образное мышление. — ВЯ, 1980, № 2, с. 26—27.
3. Сяолохэфу М. А. Бэй канкэнь ды чуньюди. Бэйцзин, 1950, с. 102.
4. Драгунов А. А. Исследования по грамматике современного китайского языка. М.—Л., 1952, с. 79—91.
5. Вандриес Ж. Язык. М.—Л., 1937, с. 148.
6. Коротков Н. Н. Основные особенности морфологического строя китайского языка. М., 1968.
7. Уиен Реп Чжао. A grammar of spoken Chinese. Berkeley and Los Angeles, 1968.
8. Чжу Дэси. Сяньдай ханьюй синжунци яньцзю. — Юйянь яньцзю, 1956, № 1, с. 108.
9. Солнцева Н. В., Солнцев В. М. Теоретическая грамматика современного китайского языка (проблемы морфологии): Курс лекций. М., 1979, с. 63.
10. Долинин К. А. Стилистика французского языка. Л., 1978, с. 119.